

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В ПОЭТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Т. ПУЛАТОВА «ЧЕРЕПАХА ТАРАЗИ»

Сабиров Немат Казакбаевич

старший преподаватель

Ферганского государственного университета

Махмуджонова Мухлиса Абдубанноб кизи

магистрант 2-го курса, направление «Литературоведение»

Ферганского государственного университета

Аннотация. В данной статье исследованы философские основы романа Т.Пуллатова «Черепаша Тарази». Изучение сюжета произведения имело своей целью выделить события, создающие мифологическую основу хронотопа, раскрыть мировоззрение автора, способствовавшего образованию хронотопа именно в таком виде. Для этого были описаны основные определения хронотопа, принятые в научном мире, проблемы, поднимаемые учеными, изучающими эту тему. Материалом исследования создания хронотопа послужил непосредственно сам текст романа.

Ключевые слова: хронотоп, топос, локус, пространство, время, тенгрианство, философия, сверттекст, архитекст.

Творчество Тимура Пуллатова пронизано философской сущностью описываемых им событий. Фантастические, на первый взгляд, ситуации, в которые попадают персонажи его произведений, имеют своей целью донести до читателя вполне реальное видение мира писателем. Подобная философская направленность литературной деятельности, приводит автора к необходимости отражения в своих произведениях основ мироздания в проекции своего понимания устройства Вселенной [1, с. 132]. В процессе этой деятельности Т. Пуллатов особое внимание обращает на пространство и время, играющее важную роль в развитии сюжетов его романов и рассказов.

Отличительные особенности мифологического времени и пространства присутствуют и в произведениях Т. Пуллатова, только основываются они, на наш взгляд, на мифологии тенгрианства, утверждающего что вся вселенная является единым целым и от действия каждой ее части зависит действие и других ее составляющих. Подобная философская трактовка мироздания определяет особую роль пространства и времени в произведениях писателя. Эти категории в его романе «Черепаша Тарази» находятся в неразрывной связи с материальным и метафизическим миром и эту связь писатель постоянно выделяет теми или иными литературными приемами. В таком аспекте рассмотрения романа «Черепаша Тарази», мы можем говорить о расширенном восприятии понятия

хронотопа, соединившего в произведении помимо времени и пространства, весь окружающий его мир [2, с. 734].

Двойственность восприятия пространства и времени присуща многим произведениям Тимура Пулатова. Уже с самых первых строк романа «Черепаша Тарази» автор подчеркивает зыбкость ощущения мира в художественном описании событий романа. Сам город, в котором происходят события, не имеет ни исторических, ни легендарных примет. Его основные координаты — это пески, такие же сыпучие и непостоянные, как время, в котором протекают события. «со всех сторон города на всем пути, длиною в десятки дней, были лишь сыпучие барханы». Интересно, что пространство автор описывает здесь через временной интервал в десятки дней. Таким образом, с самого начала Тимур Пулатов, связывая мир материальный с миром временным и пространственным, объединяет их в одно неразрывное целое, которое воспринимается им как картина реальности, отраженная в его сознании. Подобная многомерность описания происходящих событий задает мифотропный вектор сюжету романа, служит чем-то, наподобие, реального фона для происходящих фантастических инсинуаций.

Мифотропный концепт пронизывает всю сюжетную канву романа. Уже во второй главе герой романа попадает в пространство, которое, по ходу его движения, то заводит в тупик, то ведет по кругу, какими -то призрачными тунелями и, вдруг, выводит в совершенно иное время. Само это время, тоже объединяет разные исторические эпохи и персонажи, однозначно, не соответствующие их совместному появлению в том или ином событии. В эту многомерность, отраженного его сознанием мира, писатель добавляет еще и суфистскую концепцию энергетического управления вселенной, а, соответственно, и всех ее структурных составляющих. «Бывают моменты, когда в вас вдруг ударила незаметно молния, энергия, которую вы должны были истратить в будущем, в далеком будущем, вдруг побежала по вашим клеткам, собралась в комок, в огненный шар - и то, что вам надо было истратить, например, во вторник такого-то месяца на шестьдесят первом году жизни, вдруг переместилось на вторник такого-то месяца на тридцать третий год жизни - и вот тогда, именно с этого вторника, вы так энергичны, в вас столько жизни, и все легко и доступно, нет преград, добра и зла, жизни и смерти, мира и войны, вы на грани эйфории, когда даже можно творить музыку».

Связь энергии, духовного мира и пространства рассказчик продолжает в сцене создания своего опуса «На приеме у господина», который он пишет в Бухаре в ожидании аудиенции эмира. «мое прежнее "Я" состояло как бы из двух "Я". "Я" - главного, витающего над коридором освобожденного духа с энергичным именем Я-Это-Да, и прежнего моего тела, притворяющегося просителем с таким вялым именем Я-Так-Себе, по-прежнему в страхе приросшего в нише». «Я» в виде освобожденного духа изменяет пространство и вместо кабинета

господа, за открытой дверью открывается ледяная пустыня. «Коридор сразу же наполнился воем и леденящим дыханием ветра, и все увидели вместо кабинета господина - огромное поле, покрытое снегом, и две маленькие фигурки вдали, видимо самого господина и той женщины, хотя утверждать это никто не осмелился».

Превращение в дух не означает отрыва от мира реального утверждает Т.Пулатов. Эти два мира взаимопроникающие и взаимодействующие. «А освобожденный господом дух - Я-Это-Да, чуть продрогший, летел уже обратно в сторону ниши, чтобы снова притвориться просителем».

Тимур Пулатов, несомненно, хорошо знающий тюркский язык, в отдельных эпизодах, где он переводит тюркские выражения, допускает грубые ошибки перевода. «Толкнув в Черепаху тростью, Тарази подумал о своем ученике, молодом человеке со странным, необычным именем - Армон [Армон -не достигший цели, неудовлетворенный (тюрк)], и живо вообразил, в какой тот придет восторг от находки». Армон - это имя, которое обозначает достижение мечты родителей и само по себе переводится как мечта. «А ночь мы проведем в Муз-тепе [Муз-тепе соляной холм], греясь в теплых соляных парах...». Муз тепе - это ледяной холм, но никак не соляной. По всей видимости, подобный перевод сделан с целью демонстрации того, что Тарази не тюрк и плохо владеет этим языком.

Объединив в единый мир пространство, время, материю и энергию, по ходу романа Тимур Пулатов проводит параллели между животным миром, человеком и силами природы, управляющими всем, что живет на планете. Начинает он со сравнения человека и черепахи, причем делает это не в виде схожести внешних образов, а предполагает возможность глубинных связей. «Ведь возможно: природа тянула цепочку рода, которую завершает Фаррух, а в каком-нибудь седьмом поколении как неудачный слепок появилась черепаха, троюродный дядя того же Фарруха.» Подобное объединение не является самоцелью в сюжетной канве романа, а призвано соединить, привязать все живое в единое целое с уже объединенным в многомерный мир пространством и временем. Все силы природы смешиваются в одном порыве, соединяя живое и мертвое таким образом, что они начинают зависеть друг от друга. «Смерть в пустыне рождает ветер. Ветер подул, взрябив и подняв песок, покачнулись травы, и потрескались соляные такыры. Верхушки барханов осыпались, и струйки песка потянулись вниз, обнажая норы, из них, недоумеая, высовывали свои морды, вараны, суслики и песчаные лисицы, в недовольстве зажмурились от света звезд». Сами звезды выполняют роль органа, управляющего Вселенной. «Похоже, что трубный зов передают друг другу по кругу звезды, а сюда в пустыню доходит лишь слабый звук, который все слышат одновременно». Движение в пространстве совершают и неживые объекты, тем самым приобретая черты живых. «В своих скитаниях Тарази уже много раз встречал такие черные

барханы они следуют и за одиночками, и за караванами, чтобы сбить их с дороги. Ползут незаметно днем, прячась и дожидаясь темноты. Притаившись за холмами или зарослями, следят. Ждут, пока люди, обессиленные, не заснут на песке, и вот тогда начинаются их опасные игры: подкрадываются и останавливаются, осыпаясь и ограждая со всех сторон путь людям. Меняют свою форму до неузнаваемости, чтобы сбить с толку путешественников, - вытягиваются, как столбы, или, наоборот, стелются низенькими грядами. Ветер поправляет их очертания, лощина, куда они спускаются, прячет их».

Барханы у писателя существуют не только в пространственной, но и во временной проекции. Автор добивается подобного восприятия путем сравнения быстро ползущего черного бархана с ленивым и медленным белым барханом. Усиливает это сравнение описание теплоты черного бархана и холодом белого [3, с. 89].

Мастерски владея различными литературными приемами, позволяющими ему в образной и увлекательной форме донести свое мировоззрение до читателя, Т. Пулатов раз за разом в своих описаниях подмечает взаимосвязь природы и всего живущего на земле, влияние времени на их реинкарнацию.

«Ночь в пустыне внезапна, словно выходит она из зарослей, день же, напротив, долго не решается спуститься с верхушки барханов, потягивается, шурша в песке, вздыхает порывами ветра, отряхивается, перекатывая полынь, затем долго облизывает темную росу, перебегая от куста к кусту, прячась там и корча разные презабавные рожи». Отличие дня и ночи в этом отрывке показано как разница в движении-внезапной у ночи и медлительного у дня. Здесь нет понятия света и тьмы, холода и тепла. Только время имеет значение для характеристики ночи и дня.

В временную проекцию дня и ночи органично вписываются живые существа, населяющие пустыню. Ночные сумерки-это не что иное, как тени животных. «Тени животных, что бродят, разыскивая свои норы, и оказываются ночными сумерками, - стоит им спрятаться, как ночь тут же сменяется днем». В фантазмагорическом переплетении одушевленных и неодушевленных объектов, уже не замечаешь где кончается одно и где начинается другое. «. И перекасти-поле, эта дневная трава, и она словно стыдится того, что шевелится ночью.» Само пространство, окружающее героя романа, иллюзорно и меняется в зависимости от его восприятия. «Это пространство, где движение - лишь мираж, иллюзия, рождало в его душе беспокойство.

Подводя итоги, следует заметить, что мифотропная составляющая произведений Т. Пулатова, основана на философии единства всей вселенной, неразрывной связи всех ее составляющих. Такое видение мира, позволяет писателю расширить понятие хронотопа в своих произведениях до космического масштаба, включающего в себя, помимо пространства и времени,

все материальные и нематериальные объекты природы, человеческое сознание, восприятие всего человечества как одного целого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Володин, Э. Ф. Специфика художественного времени // Вопросы философии. - 978. - № 8. - С. 132.
2. Локк Д. Избранные философские произведения: В 2-х томах. Том 1. - М.: Соцэкгиз, 1960. - 734с.
3. Kazakbaevich S. N. et al. SYNTAXIS RUSSIAN LANGUAGE. FUNCTIONALIZATION OF SINGLE PROPOSALS IN PERIODICAL PRINTING TEXTS // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. – 2022. – Т. 10. – №. 4. – С. 486-489.
4. Muratovna Y. U., Kazakbaevich S. N. HERMENEUTICS AS A SCIENCE OF CORRECT UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF THE MEANING OF PHILOSOPHICAL TEXTS // Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL). – 2021. – Т. 2. – №. 04. – С. 70-73.
5. Tirashevna K. S., Kazakbaevich S. N. GROUP FORM ORGANIZATION OF LEARNING ACTIVITIES AS AN INTERACTIVE RECEPTION WHEN LEARNING VERB // Archive of Conferences. – 2020. – Т. 12. – №. 1. – С. 7-9.
6. Kazakbayevich S. N. Diplomatic Post as a Source of the Genre of Travel Notes About the Bukhara Khanate // International Journal on Integrated Education. – Т. 3. – №. 12. – С. 221-224.
7. Kazakbayevich S. N., Aleksandrovna K. T. ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ // Zbiór artykułów naukowych recenzowanych. – С. 30.
8. Акбаров О. А., Джагаспанян Р. Н., Исмаилов Р. С. ФУНКЦИЯ ОБРАЗА ПРИРОДЫ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ // IJODKOR O'QITUVCHI. – 2022. – Т. 2. – №. 24. – С. 195-200.
9. Nikolayevich D. R., Ermekovich A. T. ARTISTIC AND AESTHETIC FUNCTION OF THE LANDSCAPE IN SHUKSHIN'S PROSE // Gospodarka i Innowacje. – 2022. – Т. 27. – С. 108-113.
10. Акбаров О. А., Джагаспанян Р. Н., кизи Акрамова Н. А. ПРИРОДА КАК ОДИН ИЗ ОБРАЗОВ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВМ ШУКШИНА // "INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE" THE TIME OF SCIENTIFIC PROGRESS". – 2022. – Т. 1. – №. 3. – С. 62-70.

